

КОМАРОВ М. И. — КАТАНЬЯНУ

КОМАРОВ Макарий Иванович, родился в 1861. Священник, затем протоиерей, служил в церкви в Кимрах Тверской губ. 5 марта 1923 — арестован, с 15 мая находился в заключение в Бутырской тюрьме. 16 мая приговорен к 3 годам концлагеря и отправлен в Соловецкий лагерь особого назначения. В ноябре 1923 — обратился за помощью в ПКК, приложив к своему письму копию заявления к Катаньяну.

<27 ноября 1923>

«В ГПУ

Помощнику Прокурора Республики тов <арищу> Катаньяну

от заключенного в Соловец<ий> лагерь
Комарова Макария Ивановича —
протоиерея, г<ород> Кимры Тверск<ой>
губернии — 61 года

Заявление

В дополнении к протоколу следователя Тверского ГПУ Юсова считаю себя вынужденным, вследствие неполучения соответствующего разъяснения на свое заявление от Комиссии НКВД, довести до Вашего сведения нижеследующее мое объяснение:

1) Предъявленное мне в Тверском ГПУ общее обвинение в нелегальной антисоветской деятельности и с применением по определению Коллегии Москов<ского> ГПУ от 16 мая 1923 г<ода> ст<атей> 83, 62, 120 и 123 Уг<оловного> Код<екса> является совершенно произвольным, искусственным и ни на чем не основанным, т<ак> к<ак> участие мое на Съезде 27 янв<аря> 23 г<ода> в г<ороде> Корчеве (за которое я был арестован 5-го марта), как разрешенном местной Советской властью, не может быть признано "нелегальным" поступком, направленным именно против Советской власти. Съезд, как известно, был разрешен и созван для обсуждения исключительно вопроса об отношении к только что возникшей группе "Живая церковь" (до времени Церк<овного> Собора), поставив своей задачей вопрос чисто церковный, никаких других — ни политических, ни общественных не касался, не имел, следовательно, никакого нелегального характера и контрреволюционного направления, т<ак> к<ак> протекал совершенно открыто, гласно, с разрешения и в присутствии местной власти и многих граждан гор<ода> Корчева. Если же само разрешение, б<ыть> м<ожет>, было дано неправильно, то за эту неправильность д<олжны> отвечать во всяком случае не участники Съезда, а те агенты власти, кот<орые> дали нелегальное разрешение; если бы такого разрешения не последовало, то не мог бы состояться и самый Съезд. Каждый за свои ошибки тд отвечать сам, а не слагать их на голову других.

2) Мое "участие" на Съезде состоялось по постановлению Церк<овного> Прих<одского> Совета г<орода> Кимры, от коего я и был командирован, вопреки моему личному желанию, и распоряжению коего я хоть и подчинился, но с большой неохотой. Будучи до крайности утомлен дальнею дорогой (в 45 верст) в зимнее морозное утро, я едва в состоянии был просидеть первую часть заседания, не проронив буквально ни одного слова и не обнаружив т<аким> об<разом> никакой нелегальной активности, страдая в это время сильною зубною болью. Этого заявления следоват<ель> Юсов в протокол не записал.

3. Никогда не было допущено к<акой>-л<ибо> нелегальной антисоветской деятельности, а также пропаганды и агитации, с призывом населения к к<аким>-л<ибо> волнениям (83, 62 ст<атьи>) и во все предыдущее революционное время моей церк<овной> службы в г<ороде> Кимрах, т<ак> к<ак>, во-первых, всякие требования и распоряжения местной власти мною всегда исполнялись добросовестно и немедленно: мое отношение к Советской власти (по анкете и на практике) неизменно подчиненное и доброжелательное, и, во-вторых, никаких речей и проповедей, возбуждающих против Советской власти, вообще, или ее отдельных представителей я никогда и нигде не произносил. Это подтверждают в своих отзывах обо мне все жители г<орода> Кимры, а в особенности, прихожане моего храма.

4) При обыске у меня были изъяты следующие документы: а) послание к духовенству и мирянам митрополита Агафангела, б) воззвание какого-то братства ревнителей о возникновении ВЦУ, в) анонимное письмо о посвящении диакона, г) удостоверение от Ц<ерковного> С<овета> о моей командировке в г<ород> Корчев, д) одна моя приветственная речь пред молебном по поводу военных успехов русской армии в Германскую войну, и все 5 документов, из коих мне лично принадлежит один только последний, а первые три были опущены в мой почтовый ящик при доме неизвестными лицами; никакой ответственности за свое содержание на меня не возлагают и никакого решительно влияния на мои воззрения и действия не оказали и не оказывают, поэтому были оставлены мною без всякого внимания. Это мое заявление изложено в протоколе не вполне точно.

5) Вопрос о каком-то осведомительном Бюро, коим заинтересовался при моем допросе следов<атель> Юсов, возник на Съезде в мое отсутствие (я вследствие утомления опоздал на вторую часть заседания) не встретил с моей стороны никакого одобрения, как совершенно излишний и не обозначенный в программе заседания, а посему я не принимал никакого участия в его обсуждении и решении. Этому заявлению следователь также в протокол не записал.

6) Что касается до так называемой церковной группы "Живая церковь", то, не будучи знаком с ее программой церк<овных> реформ документально по ее официальным постановлениям (но не отвергая, однако, их в принципе), я, тем не менее, не мог примкнуть к ней и проводить в жизнь ее лозунгов о монашестве и белом епископате без надлежащего одобрения и утверждения бывшего в мае 1923 г<ода> Московск<ого> Церк<овного> Собора, согласно основным устоям общей церковной практики, а также и по своей полной неправоспособности в них.

7) Наконец, мои преклонные лета (61 г<од>) и расстроенное вконец здоровье решительно не позволяют мне брать на себя к<аких>-л<ибо> излишних трудов, кроме необходимых по отправлению религиозного культа, и я всегда воздерживался от всяких выступлений политического и общественного характера.

8) На съезде участвовало 96 чел<овек>, и, однако, кроме Президиума, арестовано еще только двое: я и мой сослуживец из г<орода> Кимры. Не считая себя вправе обсуждать основания к аресту и не аресту активных участников Съезда, позволю себе заявить, что мое молчаливое присутствие на собрании не давало никакого повода к аресту, который при этих условиях является ничем иным, как грубым насилием со стороны местных агентов ГПУ. Вышеизложенное объяснение с полной ясностью раскрывает, что вся моя деятельность в Кимрах и присутствие на Корчевском съезде 27 янв<аря> 23 г<ода> ни на одну черту не выходило из церк<овной> сферы, не имела ничего общего с государственной политикой и не носила никакого контрреволюционного

направления, так что и мой до сего времени непонятный для всех арест, а в особенности заключение и ссылка в Солов<ецкий> лагерь является каким-то недоразумением, юридической ошибкою, которая настоячиво требует соответствующего исправления. А посему, считая себя совершенно невиновным и нисколько не причастным не только к государственной, но даже и к (так называемой) церков<ной> контрреволюции, во имя простой справедливости и снисхождения к моей болезненной старости, прошу Вас освободить меня от дальнейшего заключения в Соловец<ом> лагере, с возвращением меня к месту моей службы в г<ороде> Кимры Тверской губернии.

Протоиерей Макарий Иванович Комаров.

27 ноября 1923 г<ода>.

2 рота, 195 комната Соловецкого лагеря»¹.

В 1926 — протоиерей Макарий Комаров находился в Соловецком лагере особого назначения. В 1935 — находился в ссылке (?)².

¹ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 40. С. 284-286. Автограф.

² ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 1446. С. 70. Машинопись.